

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРИ

*Материалы XII научно-практического семинара
Сибирского регионального вузовского центра
по фольклору*

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРИ

Материалы XII научно-практического семинара
Сибирского регионального вузовского центра
по фольклору

Омск 2003

9. Леонова Т.Г. Фольклорный репертуар сибирских сел с разным составом населения // Фольклор и литература Сибири. Вып. 2. – Омск, 1975.
10. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М., 1996.
11. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. Т. 1. – М., 1984.
12. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века / Сост. и общая ред. Д.С. Лихачева и Л.Д. Дмитриева. – М., 1978.
13. Пропп В.Я. Русская сказка. – Л., 1984.
14. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т.2. – М., 1999.
15. Соколова В.К. Календарные праздники и обряды // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. – М., 1987.
16. Сучков И.И. Исполнитель и зритель в белорусской фольклорно-игровой традиции // Зрелищно-игровые формы народной культуры. – Л., 1990.
17. Фольклорный архив кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета.
18. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. Т. 1. Ч. 1. – СПб., 1887.

*М.М. Андреева, Е.И. Жимулева, Н.В. Леонова,
Новосибирск, госконсерватория,
Областной колледж культуры и искусств*

ТРАДИЦИОННАЯ МУЗЫКА ЧУВАШЕЙ СИБИРИ В ЕЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ

В Сибири помимо многочисленных коренных этносов проживают также переселенцы, пришедшие из различных регионов европейской части России. Начиная с XVII в., вместе с русскими в Сибирь мигрировали многочисленные народы Поволжья и, в частности, чуваш.

В истории освоения Сибири чувашами выделяются несколько этапов. Если первый из них связан во многом со случайными и стихийными переселениями, то второй этап, с середины 1880-х до 1905 гг. характеризуется массовым, организованным переселением и основанием первых стабильных чувашских поселений. Этот процесс получил дальнейшее

развитие в период столыпинской аграрной реформы и продлился до 1930-х годов (третий период). Следующий миграционный поток возник в период коллективизации и Великой отечественной войны (четвертый этап). В настоящее время в Сибири проживает около 85 тысяч чувашей, половина из них являются жителями западносибирских областей, свыше 6 тысяч чувашей живут в Новосибирской области, главным образом, в Кыштовском, Северном и Кольванском районах [1].

Запись чувашского фольклора в Северном районе Новосибирской области в июле 2003 г. осуществлялась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 03-04-18025е). Методическую помощь в подготовке экспедиции оказал заведующий отделом искусствоведения Чувашии государственного института гуманитарных наук, доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев, подготовивший по нашей просьбе памятку для собирателя, включив в нее основные термины по этнографии и фольклору чувашей.

Участники экспедиции, авторы настоящих тезисов, работали в четырех деревнях со значительной долей чувашей в составе местного населения (Алешинка, Ивановка, Витинск, Чуваши), а также встречались с отдельными из них, проживающими в настоящее время в районном центре Северное. Результатом полевого исследования стали аудиозаписи (свыше 290 фольклорных единиц), видеоматериалы и рукописные дневники, в которых была зафиксирована информация, полученная от 31 носителя традиционной культуры. Возрастной диапазон информантов велик, сведениями по этнографии и фольклору сибирских чувашей с нами делились и старые (1911 г.р.), и малые (1987 г.р.), хотя основными рассказчиками и исполнителями, конечно, были женщины 1930-1940-х гг. рождения.

К середине нашего пребывания в районе мы осознали, что сохранившиеся разрозненные чувашские поселения (к вышеназванным следует добавить еще деревню Чебаки, в которой мы не побывали) являют собой остаток когда-то достаточно обширного ареала проживания чувашской диаспоры. В разговорах с исполнителями многократно упоминались чувашские деревни, исчезнувшие с карты Северного района: Медвежинка, Кирилловка, Степинка, Прибелинка, Петровка, Долгая Грива... Скоро исчезнет и Ивановка, мы застали в ней только трех жителей.

Не имея возможности охватить вниманием все элементы традиционной культуры сибирских чувашей, мы сосредоточились на праздниках, обрядах и связанных с ними песнях. Две другие регулярно возникавшие в беседах с информантами темы были связаны с традиционной одеждой и музыкальными инструментами. По всем темам удалось

собрать значительную информацию, которая позволяет оценить степень сохранности и особенности проявления отдельных сфер традиционной культуры чувашей.

Представительными выглядят сведения о календарных праздниках чувашей-сибиряков. По всей вероятности, основной круг праздничных комплексов и отдельных сезонных обрядов, бытовавших в Сибири, нам удалось установить. Однако, следует отметить, что степень подробности описания разных обрядов неодинакова, а использование этнических названий неустойчиво. Ряд исполнителей только после нашей подсказки вспоминали, что Рождество по-чувашски называлось *Раштав*, масленица – *саварни*, а Пасха – *Мунгун*. Единичные наши собеседники при описании обряда вызывания дождя вспоминали его этническое название *чук*, а рассказывая об играх и хороводах молодежи, произносили слово *вэйа*. Полученные сведения о семейных обрядах крайне скудны и разрозненны.

Экспедиция к чувашам Северного района позволила существенно расширить представления о жанровой системе диаспорной традиции. В опубликованном не так давно очерке о чувашском фольклоре, обобщившем материал из Колыванского района Новосибирской области, были представлены только свадебные, гостевые, солдатские (или рекрутские) песни и частушки [2]. Северная коллекция гораздо богаче в жанровом и стилевом отношении. Она включает ряд песен календарной или сезонной приуроченности (масленичные, весенние хороводные, троицкие, петровские), гостевые и свадебные песни и припевки, плач невесты, игровые, лирические, солдатские песни, частушки, фрагменты колыбельных. Все песни подразделяются исполнителями на долгие и короткие.

Кроме чувашских песен в репертуаре исполнителей присутствуют отдельные образцы татарских песен и значительное число произведений, заимствованных у русских соседей, что свидетельствует о наличии устойчивых культурных контактов чувашей и русских, которые сложились, по-видимому, еще до переселения чувашей в Сибирь. Можно предположить, что процесс межкультурного взаимодействия, начавшись в Чувашии, продолжался в Сибири. В настоящее время среди зафиксированных образцов традиционной музыкальной культуры чувашей выделяются две сферы жанров-ассимилятов. Это жанры русского фольклора (частушки и лирические песни позднего происхождения) и песнопения православного богослужения. Записанные нами **частушки**, звучащие на чувашском и русском языках, поются "на русский напев", на что указывают сами исполнители. Прочно заимствовано и само русское название *частушка*, чувашского слова *такмак* но-

сители традиции практически не употребляют. Однако можно предположить, что органичное вхождение частушек в музыкальную традицию чувашей связано с наличием в ней характерных "коротких песен" или припевок, в данном случае частушка явилась как бы заменой более древнего, традиционного жанра.

Другой пример межкультурных связей более сложен. Экспедицией были зафиксированы **лирические песни** на чувашском языке с напевами русских народных песен позднего происхождения ("*В воскресенье мать-старушка*", "*Как на кладбище Митрофановском*", "*Где летал по свету ворон*"). В содержании этих песен также ощущается русское влияние. Так, в одной из песен совмещаются мелодия русской тюремной песни "В воскресенье мать-старушка" и сюжет поздней баллады ("*Отец сыну не поверил, что на свете есть любовь*"). Интересно, что чуваша идентифицируют эти произведения с "долгими песнями" *ворам-юрри* и уверены в их принадлежности к чувашскому фольклору, поскольку выучили эти песни от своих родителей и дедов, приехавших "с Чебоксар". Возможно, эта ассимиляция произошла еще на материковой территории.

Второй пласт русской традиционной музыкальной культуры, обнаруженный у чувашей, составляют **православные песнопения**. Напомним, что христианизация чувашей была совершена более двухсот лет назад, в середине XVIII в., поэтому сейчас, в начале XXI в. православие воспринимается чувашами как собственная исконная вера, завещанная им предками. В настоящее время церковная жизнь этого христианизированного этноса, заглушенная в годы советской власти, в Северном районе практически полностью угасла. О богослужениях и молитвах сохранились лишь смутные, отрывочные воспоминания в памяти отдельных пожилых чувашек. От этих людей, выучивших некоторые песнопения от своих родителей, были сделаны записи нескольких богослужебных текстов. В основном, этот круг представлен самыми известными молитвами и песнопениями наиболее значительных христианских праздников. Среди них пасхальные песнопения (тропарь и стихира), тропари Рождества и Воздвиженья Креста, Трисвятое, Верую, Отче наш, Достойно есть (всего более 15 фонограмм). Эти песнопения, как правило, поются и на чувашском, и на церковнославянском языках.

Кроме богослужебных жанров был записан русский поминальный духовный стих "Три ангела", исполняющийся на чувашском языке во время похорон и, очевидно, приобретший некий сакральный статус. Надо сказать, что обнаружить сколько-нибудь устойчивую практику исполнения перечисленных песнопений нам не удалось (за исключе-

нием, пожалуй, своеобразного обряда народного отпевания), в основном преобладает практика пассивного хранения. По своей стилистике эти произведения заметно отличаются от окружающего их песенного массива, в них ясно слышна ориентация на богослужебные осмогласные напевы. В то же время, в отдельных случаях, в частности, в песнопениях, озвученных М.Н. Голубевой (д. Чуваши), являющейся активной исполнительницей чувашской народной песни, обнаружены отклонения от канонического первоисточника. Возможно, эти изменения, появляющиеся при более свободной трактовке церковного напева, передающегося исключительно устным путем, приводят к формированию новых интонационных структур, включающих интонации православных песнопений и чувашского песенного фольклора.

Литература

1. Коровушкин Д.Г. Чуваши Западной Сибири. – Новосибирск, 1997.
2. Андреева М.М. Чувацкий фольклор // Музыкальная культура Сибири. Т.1., кн.2. Традиционная культура сибирских переселенцев. – Новосибирск, 1997. – С. 69-77.

М.Ю. Новицкая,
Москва, Институт общего образования

ОБРАЗЫ СВАДЕБНОЙ ЛИРИКИ В ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: "ИЗ-ЗА МОРЯ ПЛЫЛА ПЕНА..."

Задача доклада – представить результаты сопоставления текста свадебной песни "Ай, на море пена расплавалася, да расплавалася" из сборника, составленного Т.Г. Леоновой [1], с текстами русского детского фольклора, семь вариантов из которых были записаны М.В. Красноженовой, Г.С. Виноградовым и В.Н. Белослюдовым в Сибири, и показать на этом примере один из путей творческой ассимиляции детьми фольклора взрослых. Он начинается как подражание взрослым, воспроизведение обрядовой и необрядовой лирики в детских играх и сопровождающих их текстах.

Подражание взрослым – явление, присущее детям на протяжении всей истории человечества. Благодаря ему, осуществляется непрерывная передача исторического опыта от поколения к поколению и

развитие его. Целые пласты и многие произведения детского фольклора, возникшие в давние времена как подражания текстам взрослых, дошли до нашего времени. Трансформированные детским сознанием, некоторые из них исполнялись и передавались от одного детского поколения к другому в исконных обрядовых функциях. Другие в связи с изменением соотношения "обрядовый детский фольклор – необрядовый детский фольклор" из произведений обрядового характера переходили в разряд необрядового, пополняя корпус разных жанров детской фольклорной традиции.

И.М. Левина показывает, как увлеченно дети воспроизводят в своих играх свадьбу, не пропуская важных моментов свадебного действия и исполняя соответствующие им произведения [2]. Многие сюжеты детского фольклора позволяют проследить их происхождение от подобных подражательных текстов. При этом необходимо принимать во внимание то качество детского восприятия, о котором писал Л.С. Выготский: ребенок словно выхватывает наиболее яркие моменты из окружающей жизни, разговоров, песен, эти впечатления часто складываются в фантастическую картину. Выхваченные, "сколотые" фрагменты сращиваются в новый сюжет, где игнорируются сложные психологические нюансы, отражающие в исходных текстах коллизии взрослой жизни; появляются новые мотивировки и истолкования смысла событий. Подобные трансформации при восприятии и воспроизведении текстов отмечают и педагоги: "<...> пересказ <...> всегда является творческой мыслительной переработкой <...> текста путем отбора главного, сокращения и упрощения синтаксических структур. <...> Однако отбор и воспроизведение главного и второстепенного у маленьких детей часто еще происходит на аффективной основе, и весь текст часто причудливо изменяется в зависимости от возникающих в процессе пересказа чисто ассоциативных, эмоционально окрашенных связей [3].

С этой точки зрения интересно проанализировать текст считалки, промежуточный этап бытования которого мог быть детской песенкой-подражанием:

*Плыла пена из-за моря,
Стали бить-колотить,
Стали спрашивать их:
- Кто их мене, кто их боле?.. [4]*

А вот как звучит свадебная песня в ожидании жениха:

*Ай, на море пена расплавалася, да расплавалася.
Прибило пену ко крутому бережку, да крутому бережку.
Ой, прибило думу, думу как у Тани, у души, да как у Тани, у души.*